

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Наши

АЗБУКА-КЛАССИКА

Сергей Донатович Довлатов

Наши

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144229

Наши: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2013

ISBN 978-5-389-06853-7

Аннотация

Двенадцать глав «Наших» создавались Довлатовым в начале 1980-х годов как самостоятельные рассказы. Герои – реальные люди, отсюда и один из вариантов названия будущей книги – «Семейный альбом», в которой звучит «негромкая музыка здравого смысла» (И. Бродский), помогающая нам сохранять достоинство в самых невероятных жизненных ситуациях.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Довлатов

Наши

© С. Довлатов (наследники), 1983, 2013

© А. Арьев, послесловие, 2001

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая

Наш прадед Моисей был крестьянином из деревни Сухово. Еврей-крестьянин – сочетание, надо отметить, довольно редкое. На Дальнем Востоке такое случалось.

Сын его Исаак перебрался в город. То есть восстановил нормальный ход событий.

Сначала он жил в Харбине, где и родился мой отец. Затем поселился на одной из центральных улиц Владивостока.

Сначала мой дед ремонтировал часы и всякую хозяйственную утварь. Потом занимался типографским делом. Был чем-то вроде метранпажа. А через два года приобрел закусочную на Светланке.

Рядом помещалась винная лавка Замараева – «Нектар, бальзам». Дед мой частенько наведывался к Замараеву. Друзья выпивали и беседовали на философские темы. Потом шли закусывать к деду. Потом опять возвращались к Замараеву...

– Душевный ты мужик, – повторял Замараев, – хоть и еврей.

– Я только по отцу еврей, – говорил дед, – а по матери я нидерлан!

– Ишь ты! – одобрительно высказывался Замараев.

Через год они выпили лавку и съели закусочную.

Престарелый Замараев уехал к сыновьям в Екатеринбург.

А мой дед пошел на войну. Началась японская кампания.

На одном из армейских смотров его заметил государь. Росту дед был около семи футов. Он мог положить в рот целое яблоко. Усы его достигали погон.

Государь приблизился к деду. Затем, улыбаясь, ткнул его пальцем в грудь.

Деда сразу же перевели в гвардию. Он был там чуть ли не единственным семитом. Зачислили его в артиллерийскую батарею.

Если лошади выбивались из сил, дед тащил по болоту оружие.

Как-то раз батарея участвовала в штурме. Мой дед победил в атаку. Орудийный расчет должен был поддержать атакующих. Но орудия молчали. Как выяснилось, спина моего деда заслонила неприятельские укрепления.

С фронта дед привез трехлинейную винтовку и несколько медалей. Вроде бы имелся даже Георгиевский крест.

Неделю он кутил. Потом устроился метрдотелем в заведение «Эдем». Как-то раз повздорил с нерасторопным официантом. Стал орать. Трахнул кулаком по столу. Кулак очутился в ящике письменного стола.

Беспорядков мой дед не любил. Поэтому и к революции отнесся негативно. Более того, даже несколько замедлил ее ход. Дело было так.

Народные массы с окраин устремились в центр города. Дед решил, что начинается еврейский погром. Он достал

винтовку и залез на крышу. Когда массы приблизились, дед начал стрелять. Он был единственным жителем Владивостока, противостоявшим революции. Однако революция все же победила. Народные массы устремились в центр переулками.

После революции мой дед затих. Опять превратился в скромного ремесленника. Лишь иногда напоминал о себе. Так, однажды дед подорвал репутацию американской фирмы «Мерхер, Мерхер и К°».

Американская фирма через Японию завезла на Дальний Восток раскладушки. Хотя называть их так стали значительно позднее. Тогда это была сенсационная новинка. Под названием «Мэджик бэд».

Выглядели раскладушки примерно так же, как сейчас. Кусок цветастого брезента, пружины, алюминиевая рама...

Мой прогрессивный дед отправился в торговый центр. Кровать была установлена на специальном возвышении.

– Американская фирма демонстрирует новинку! – выкрикивал продавец. – Мечта холостяка! Незаменима в путешествии! Комфорт и нега! Желаете ощутить?!

– Желаю, – сказал мой дед.

Он, не расшнуровывая, стащил ботинки и улегся.

Раздался треск, запели пружины. Дед оказался на полу.

Продавец, невозмутимо улыбаясь, развернул следующий экземпляр.

Повторились те же звуки. Дед глухо выругался, потирая спину.

Продавец установил третью раскладушку.

На этот раз пружины выдержали. Зато беззвучно подогнулись алюминиевые ножки. Дед мягко приземлился. Вскоре помещение было загромождено обломками чудо-кровати. Свисали ключья пестрого брезента. Изгибалась тускло поблескивавшая арматура.

Дед, поторговавшись, купил бутерброд и удалился.

Репутация американской фирмы была подорвана. «Мерхер, Мерхер и К°» начали торговать хрустальными люстрами...

Дед Исаак очень много ел. Батоны разрезал не поперек, а вдоль. В гостях бабка Рая постоянно за него краснела. Прежде чем идти в гости, дед обедал. Это не помогало. Куски хлеба он складывал пополам. Водку пил из бокала для крем-соды. Во время десерта просил не убирать заливное. Вернувшись домой, с облегчением ужинал...

У деда было три сына. Младший, Леопольд, юношей уехал в Китай. Оттуда – в Бельгию. Про него будет особый рассказ.

Старшие, Михаил и Донат, тянулись к искусству. Покинули захолустный Владивосток. Обосновались в Ленинграде. Вслед за ними переехали и бабка с дедом.

Сыновья женились. На фоне деда они казались щуплыми и беспомощными. Обе снохи были к деду равнодушны.

Устроился он работать кем-то вроде заведующего жилконторой. Вечерами ремонтировал часы и электроплитки. Был по-прежнему необычайно силен.

Как-то раз в Щербаковом переулке ему нагрубил водитель грузовика. Вроде бы обозвал его жидовской мордой.

Дед ухватился за борт. Остановил полуторку. Отстранил выскочившего из кабины шофера. Поднял грузовик за бампер. Развернул его поперек дороги.

Фары грузовика упирались в здание бани. Задний борт – в ограду Щербаковского сквера.

Водитель, осознав случившееся, заплакал. Он то плакал, то угрожал.

– Домкратом перетяну! – говорил он.

– Рискни... – отвечал ему дед.

Грузовик двое суток торчал в переулке. Затем был вызван подъемный кран.

– Что же ты просто не дал ему в морду? – спросил отец.

Дед подумал и ответил:

– Боюсь увлечься...

Я уже говорил, что младший сын его, Леопольд, оказался в Бельгии. Как-то раз от него прибыл человек. Звали его Моня. Моня привез деду смокинг и огромную надувную жирафу. Как выяснилось, жирафа служила подставкой для шляп.

Моня поносил капитализм, восхищался социалистической индустрией, затем уехал. Деда вскоре арестовали как бельгийского шпиона. Он получил десять лет. Десять лет без переписки. Это означало – расстрел. Да он бы и не выжил. Здоровые мужчины тяжело переносят голод. А производ и хамство – тем более...

Через двадцать лет отец стал хлопотать насчет реабилитации. Деда реабилитировали за отсутствием состава преступления. Спрашивается, что же тогда присутствовало? Ради чего прервали эту нелепую и забавную жизнь?..

Я часто вспоминаю деда, хотя мы и не были знакомы.

Например, кто-то из друзей удивляется:

– Как ты можешь пить ром из чашки?

Я сразу вспоминаю деда.

Или жена говорит мне:

– Сегодня мы приглашены к Домбровским. Надо тебе заранее пообедать.

И я опять вспоминаю этого человека.

Вспоминал я его и в тюремной камере...

У меня есть несколько фотографий деда. Мои внуки, листая альбом, будут нас путать...

Глава вторая

Дед по материнской линии отличался весьма суровым нравом. Даже на Кавказе его считали вспыльчивым человеком. Жена и дети трепетали от его взгляда.

Если что-то раздражало деда, он хмурил брови и низким голосом восклицал:

– АБАНАМАТ!

Это таинственное слово буквально парализовало окружающих. Внушало им мистический ужас.

– АБАНАМАТ! – восклицал дед.

И в доме наступала полнейшая тишина.

Значения этого слова мать так и не уяснила.

Я тоже долго не понимал, что это слово означает. А когда поступил в университет, то неожиданно догадался. Матери же объяснять не стал. Зачем?..

Мне кажется, тяжелый характер деда был результатом своеобразного воспитания. Отец-крестьянин бил его в детстве поленом. Раз опустил на бадье в заброшенный колодец. Продержал его в колодце около двух часов. Затем опустил туда же кусок сыра и полбутылки напареули. И лишь час спустя вытащил деда, мокрого и пьяного...

Может быть, поэтому дед вырос таким суровым и раздражительным.

Был он высок, элегантен и горд. Работал приказчиком в

магазине готовой одежды Эпштейна. А в преклонные годы был совладельцем этого магазина.

Повторяю, он был красив. Напротив его дома жили многочисленные князья Чикваидзе. Когда дед переходил улицу, молоденькие – Этери, Нана и Галатея Чикваидзе выглядывали из окон.

Вся семья ему беспрекословно подчинялась.

Он же – никому. Включая небесные силы. Один из поединков моего деда с Богом закончился вничью.

В Тифлисе ожидали землетрясения. Уже тогда существовали метеорологические центры. Кроме того, имелись разнообразные народные приметы. Священники ходили по домам и оповещали население.

Жители Тифлиса покинули свои квартиры, захватив ценные вещи. Многие вообще ушли из города. Оставшиеся жгли костры на площадях.

В богатых кварталах спокойно орудовали грабители. Уносили мебель, посуду, дрова.

И лишь в одном из домов Тбилиси горел яркий свет. Точнее, в одной из комнат этого дома. А именно – в кабинете моего деда. Он не захотел покидать свое жилище. Родственники пытались увещевать его, но безрезультатно.

– Ты погибнешь, Степан! – говорили они.

Дед недовольно хмурился, затем угрюмо и торжественно произносил:

– К-а-а-кэм!..

(Что переводится, уж извините, – «Какал я на вас!».)

Бабка увела детей на пустырь. Они унесли из дома все необходимое, захватили собаку и попугая.

Землетрясение началось под утро. Первый же толчок разрушил водонапорную башню. В течение десяти минут рухнули сотни зданий. Над городом стояли клубы розовой от солнца пыли. Наконец, толчки прекратились. Бабка устремилась домой, на Ольгинскую.

Улица была загромождена дымящимися обломками. Кругом рыдали женщины, лаяли собаки. В бледном утреннем небе тревожно кружились галки. Нашего дома больше не существовало. Вместо него бабка увидела запорошенную пылью грудку кирпичей и досок.

Посреди руин сидел в глубоком кресле мой дед. Он дремал. На коленях его лежала газета. У ног стояла бутылка вина.

– Степан, – вскричала бабка, – Господь покарал нас за грехи! Он разрушил наш дом!..

Дед открыл глаза, посмотрел на часы и, хлопнув в ладоши, скомандовал:

– Завтракать!

– Господь оставил нас без крова! – причитала бабка.

– Э-э, – сказал мой дед.

Затем пересчитал детей.

– Что мы будем делать, Степан? Кто приютит нас?!

Дед рассердился.

– Господь лишил нас крова, – сказал он, – ты лишаешь пищи... А приютит нас Беглар Фомич. Я крестил двух его сыновей. Старший из них вырос бандитом... Беглар Фомич – хороший человек. Жаль, что он разбавляет вино...

– Господь милостив, – тихо произнесла бабка.

Дед нахмурился. Сдвинул брови. Затем наставительно и раздельно выговорил:

– Это не так. Зато милостив Беглар. Жаль, что он разбавляет напареули.

– Господь вновь покарает тебя, Степан! – испугалась бабка.

– К-а-а-кэм! – ответил дед...

К старости его характер окончательно испортился. Он не расставался с увесистой палкой. Родственники перестали звать его в гости – он всех унижал. Он грубил даже тем, кто был старше его, – явление на Востоке редчайшее.

От его взгляда из рук женщин падали тарелки.

Последние годы дед уже не вставал. Сидел в глубоком кресле у окна. Если кто-то проходил мимо, дед выкрикивал:

– Прочь, ворюга!

Сжимая при этом бронзовый набалдашник трости.

Вокруг деда наметилась опасная зона радиусом полтора метра. Такова была длина его палки...

Я часто стараюсь понять, отчего мой дед был таким угрюмым? Что сделало его мизантропом?..

Человек он был зажиточный. Обладал представительной

внешностью и крепким здоровьем. Имел четверых детей и любящую верную жену.

Возможно, его не устраивало мироздание как таковое? Полностью или в деталях? Например, смена времен года? Нерушимая очередность жизни и смерти? Земное притяжение? Контрадикция моря и суши? Не знаю...

Умер мой дед при страшных обстоятельствах. Второй его поединок с Богом закончился трагически.

Десять лет он просидел в глубоком кресле. В последние годы уже не хватался за трость. Только хмурился...

(О, если бы взгляд мог служить техническим орудием!..)

Дед стал особенностью пейзажа. Значительной и эффектной деталью местной архитектуры. Иногда на его плечи садились грачи...

В конце нашей улицы за рынком был глубокий овраг. На дне его пенился ручей, огибая серые мрачные валуны. Там же белели кости загубленных лошадей. Валялись обломки телег.

Детям не разрешалось приближаться к оврагу. Жены говорили пьяным мужьям, вернувшимся на заре:

– Слава Богу! Я думала, ты угодил в овраг...

Однажды летним утром мой дед неожиданно встал. Встал и твердой походкой ушел из дому.

Когда дед переходил улицу, замужние толстухи Этери, Нана и Галатея Чикваидзе выглядывали из окон.

Высокий и прямой, он направился к рынку. Если с ним

здоровались, не реагировал.

Дома его исчезновение заметили не сразу. Как не сразу заметили бы исчезновение тополя, камня, ручья...

Дед стал на краю обрыва. Отбросил трость. Поднял руки. Затем шагнул вперед.

Его не стало.

Через несколько минут прибежала бабка. За ней – соседи. Они громко кричали и плакали. Лишь к вечеру их рыдания стихли.

И тогда сквозь неумолкающий шум ручья, огибавшего мрачные валуны, донеслось презрительное и грозное:

– К-А-А-КЭМ! АБАНАМАТ!..

Глава третья

Дядя Роман Степанович любил повторять:

– В здоровом теле – соответствующий дух!..

В юности он был тифлисским кинто. Перевести это слово довольно трудно. Кинто – не хулиган, не пьяница, не ту-неядец. Хотя он выпивает, безобразничает и не работает... Может быть – повеса? Затрудняюсь...

У моего дяди был огромный кинжал. Он с юности любил вино напареули и полных блондинок...

Чуть ли не главное достоинство истинного кинто – остроумие. Юмор моего дяди отличался некоторым своеобразием. Так, например, мой четырнадцатилетний дядя омрачил юбилей грузинской советской республики.

Дело происходило следующим образом. В Тбилиси широко отмечалась знаменательная годовщина – семилетие республики. Огромный зал Дворца культуры имени Либкнехта был переполнен. Высокое начальство произносило речи. Вслед за ним шли на сцену представители этнических меньшинств. От армян выступала тетка, дядина сестра. Звали ее Анеля. К выступлению тетка Анеля готовилась недели две.

– Вот уже семь лет... – начала она.

Зал притих.

– Вот уже семь лет... – повторила тетка.

Где-то звякнул номерок. Кто-то на цыпочках пробирался

между рядами.

— Вот уже семь лет... — окрепшим голосом произнесла тет-ка Анеля.

За ее спиною лукаво шурился на портрете генералиссимус. Наступила полная тишина.

И тогда в зале раздался оживленный голос моего дяди:

— Вот уже семь лет, как Анелю замуж не берут...

Тетка Анеля, рыдая, покинула сцену. Дядю Романа сутки продержали в милиции...

Еще до войны мой дядя решил поступить в университет и стать философом. Решение вполне естественное для человека, не имеющего конкретной цели. Все люди с неясным и туманным ощущением жизни мечтают заниматься философией.

Дядя Роман подал свои бумаги в университет. Шел экзамен по русской литературе. Дядя останавливал выходящих абитуриентов, спрашивая:

— Прости, дорогой! Что за вопрос тебе достался?

— Пушкин, — сказал один.

— Прекрасно! — воскликнул дядя. — Именно этого я не учил.

— Лермонтов, — сказал второй.

— Прекрасно! — воскликнул дядя. — Именно этого я не учил.

— Гоголь, — сказал третий.

— Прекрасно! — воскликнул дядя. — Именно этого я не

учил.

Наконец, вызвали дядю Романа. Он шагнул к столу, вытащил билет и прочел:

«Творческий путь Грибоедова».

– Вай! Горе мне! – крикнул дядя. – Именно этого я не учил...

Когда началась война, дядя обрадовался. На войне ценились такие люди, как он. Дядя и в мирное-то время любил поскандалить.

Вернулся он подполковником. Война сделала его человеком.

Как все отставные подполковники, мой дядя заведовал техникой безопасности на фабрике «Луч». (Полковники возглавляют отделы кадров.)

Возможно, он разбирался в технике безопасности, это не исключено. Однако все его силы уходили на физкультурно-массовую работу. Дядя организовывал коллективные заплывы. Учреждал традиционные лыжные кроссы. Проводил волейбольные матчи. О нем писали в газетах.

В свои шестьдесят три года дядя отлично бегал на лыжах и мог успешно подраться.

– В здоровом теле – соответствующий дух! – часто повторял он.

Меня дядя Роман искренне презирал. Я не делал утренней гимнастики. Не обливался ледяной водой. И вообще ненавидел резкие движения. А если мне хамили, шел на compro-

мисс.

Впрочем, меня оскорбляли довольно редко. За всю жизнь раза три. И все три раза – мой дядя.

– Интеллигент! – кричал он. – Баба! Дохлый шпак!..

На вопрос, кто его любимый писатель, дядя быстро отвечал:

– Мартин Иден.

О своих кулачных подвигах рассказывал часами. Причем довольно много фантазировал. Когда же я расспрашивал его о войне, дядя упорно молчал. Не любил говорить об этом. Не знаю, почему...

У него были дети от Сухаревой Анны Григорьевны. Мальчик и девочка. Дядя регулярно навещал их. Просматривал школьные тетради, расписывался в дневнике. И неизменно повторял:

– В здоровом теле – соответствующий дух!

Как-то раз Анна Григорьевна возилась на кухне. Дети играли с отцом. Неожиданно мой дядя пукнул. Дети стали хохотать.

На шум пришла Анна Григорьевна. Остановилась в дверях, сложила руки на груди и значительно произнесла:

– Все-таки детям нужен отец! Как они весело играют, шутят, смеются...

У дяди Романа была жена – Галина Павловна. Как она себя называла – медработник. Дядя ее любил и уважал. Поскольку она разделяла его философское кредо: «В здоровом

теле – соответствующий дух».

Однажды в их квартиру позвонили. Дядя был на работе. А Галина как раз зашла домой пообедать. И вот раздался звонок.

– Кто? – спросила Галина.

Мужской голос ответил:

– Дайте попить беременной жене.

Отворилась дверь, и в прихожую шагнул рослый человек. Он достал заточенный рашпиль и без единого слова ударил хозяйку в живот. Она рванулась к телефону. Теряя сознание, крикнула:

– Рома! Спаси! Убивают...

Дядя приехал тридцать минут спустя на грузовой автомашине. К этому времени Галину увезла «скорая помощь». Бандита задержали соседи. Когда ему заламывали руки, он смеялся. Выяснить мотивы его действий так и не удалось. Возможно, это был маньяк...

Мой дядя тогда целый вечер плакал. А когда Галина вышла из больницы, приобрел овчарку.

Звали ее Голда. В этом сказывались дядино остроумие и едва заметный привкус антисемитизма.

Многие армяне (особенно грузинские армяне) недолюбливают евреев. Хотя куда логичнее бы им недолюбливать русских, грузин или турок. Евреи тоже не питают к армянам особых чувств. Видимо, изгой не склонны любить других отверженных. Им больше нравится любить хозяев. Или на ху-

дой конец — себя...

Овчарку звали Голда. Сначала она была прелестным ко-солапым щенком. Затем подросла, ее демонстрировали на выставке. Она даже получила какую-то второстепенную медаль. А затем без всякого повода жестоко укусила Галину.

Мой дядя хотел застрелить собаку, но жена его отговорила. Голду отдали на питомник. Дядя Роман все еще занимался утренней гимнастикой, был подтянутым и стройным. Он мог сесть на ходу в трамвай и урезонить любого хулигана. Однако хулиганы ему не попадались, а трамваев в городе совсем мало...

И тут мне сообщили, что дядя находится в психиатрической лечебнице. Галина Павловна сказала — «в нервной клинике». Но это была именно психиатрическая лечебница.

Я отправился в Удельный парк. Несколько стандартных коричневых построек были окружены чахлыми кустами и деревьями. По дорожкам гуляли больные в одинаковых серых халатах. Халаты были либо слишком велики, либо чересчур малы. Как будто высоким людям специально навязали маленькие размеры. А низеньким и щуплым — огромные.

В основном больные гуляли поодиночке. Некоторые сдержанно и отрешенно жестикулировали. Я не испытывал страха, только жалость.

Наконец, позвали моего дядю. К моему удивлению, дядя выглядел оживленным и бодрым. Он даже немного загорел. Сказал, что кормят хорошо. А главное, разрешают подолгу

быть на свежем воздухе.

Затем дядя придвинулся ко мне, тревожно огляделся и шепотом выговорил:

– Слушай меня внимательно. Очкарики затеяли колоссальную авантюру...

– Кто? – не понял я.

Дядя не ответил. С каким-то веселым задором он продолжал:

– Это будет пострашнее Варфоломеевской ночи...

Я растерялся. Я не был к этому готов. Не знал, как себя вести. Возражать или соглашаться.

Мимо шел юноша с питьевым бачком. Около крана чернела надпись: «Вода».

Мой дядя принужденно засвистел. Юноша скрылся за деревьями.

– Крови будет! – покачал головой дядя.

От ужаса я начал играть какую-то странную роль.

– Может, все обойдется? – сказал я.

– Пощады не жди, – тихо возразил дядя, – кого уничтожат, кого заставят расписаться. Но у меня есть идея. Слушай внимательно.

Дядя снова наклонился ко мне и, хитро подмигнув, заговорил:

– Любой самый гениальный план – уязвим. И рвется эта цепочка, как правило, в самом неожиданном месте. Едва заметное движение – и вот уже спутаны карты... Нарушены,

как говорится, правила игры... Штука в том, что это должен быть абсолютно непредвиденный ход... И я его нашел. Слушай внимательно.

Мой дядя перестал улыбаться и заговорил, как офицер, лаконично и резко:

– Первый ход – основной. Второй – для страховки. На случай провала. Не записывай, – перебил дядя.

– Хорошо, – сказал я.

– И запомни. Первое – курить сигареты без фильтра, и только без фильтра. Второе – надевать одновременно две пары трусов...

Дядя торжествующе засмеялся, потирая руки.

– Ты понял? – спросил он.

– Да, – сказал я.

– План остается в тайне. Ни единого слова даже близким людям. Иначе – все пропало. Ждите моих дальнейших распоряжений. А сейчас мне пора. Будь здоров. Спасибо за фрукты... Хоть они и являются фикцией чистой воды...

И он ушел, в нелепом халате, легкой спортивной походкой...

Через месяц мой дядя выздоровел. Мы виделись на семейных торжествах. Дядя застенчиво посмеивался.

Он рассказывал, что ежедневно бегают вокруг Лесотехнической академии. Чувствует себя здоровым и бодрым, как никогда.

Специально для него были приготовлены тертые овощи.

Рядом сидела Галина Павловна. На ее руках темнели шрамы от собачьих укусов.

Я представил себе, как мой дядя бежит рано утром вдоль ограды Лесотехнической академии.

О Господи, куда?!

Глава четвертая

Жизнь дяди Леопольда была покрыта экзотическим туманом. Что-то было в нем от героев Майн Рида и Купера. Долгие годы его судьба будоражила мое воображение. Сейчас это прошло.

Однако не будем забегать вперед.

У моего еврейского деда было три сына. (Да не смутит вас эта обманчивая былинная нота.) Звали сыновей – Леопольд, Донат и Михаил.

Младшему, Леопольду, как бы умышленно дали заморское имя. Словно в расчете на его космополитическую биографию.

Имя Донат – неясного, балтийско-литовского происхождения. (Что соответствует неясному положению моего отца. В семьдесят два года он эмигрировал из России.)

Носитель чисто православного имени, Михаил, скончался от туберкулеза в блокадном Ленинграде.

Согласитесь, имя в значительной степени определяет характер и даже биографию человека.

Анатолий почти всегда нахал и забияка.

Борис – склонный к полноте холерик.

Галина – крикливая и вульгарная склочница.

Зоя – мать-одиночка.

Алексей – слабохарактерный добряк.

В имени Григорий я слышу ноту материального достатка.

В имени Михаил – глухое предвестие ранней трагической смерти. (Вспомните Лермонтова, Кольцова, Булгакова...)

И так далее.

Михаил рос замкнутым и нелюдимым. Он писал стихи. Сколотил на Дальнем Востоке футуристическую группировку. Сам Маяковский написал ему умеренно хамское, дружеское письмо.

У моего отца есть две книги, написанные старшим братом. Одна называется «М-у-у». Второе название забыл. В нем участвует сложная алгебраическая формула.

Стихи там довольно нелепые. Одно лирическое стихотворение заканчивается так:

Я весь дрожал, и мне хотелось,
Об стенку лоб разбив, – упасть...

В сохранившейся рецензии на эту книгу мне запомнилась грубая фраза: «Пошли дурака Богу молиться, он и лоб разобьет!...»

Михаил был необычайно замкнутым человеком. Родственники даже не подозревали, чем он вообще занимается. Однажды, уже взрослыми людьми, Донат и Михаил столкнулись за кулисами Брянского летнего театра. Как выяснилось, братья участвовали в одной эстрадной программе. Донат был куплетистом. Михаил выступал с художественным

чением.

Старшие братья тянулись к литературе, к искусству. Младший, Леопольд, с детства шел иным, более надежным путем.

Леопольд рос аферистом.

В четырнадцать лет он спекулировал куревом на территории порта. Покупал у иностранных моряков сигары для ночного ресторана братьев Уриных. Затем перешел на чулки и косметику. Если требовалось, сопровождал иностранцев в публичный дом на Косой улице. Параллельно боксировал в атлетическом клубе «Икар». А по воскресеньям играл на трубе в городском саду.

К восемнадцати годам Леопольд осуществил свою первую настоящую аферу. Дело было так.

В один из центральных магазинов города зашел унылый скромный юноша. В руках его была обернутая мятой газетой скрипка. Юноша обратился к владельцу магазина Танакису:

– На улице ливень. Боюсь, моя скрипка намокнет. Не могу ли я временно оставить ее здесь?

– Почему бы и нет? – равнодушно ответил Танакис.

Час спустя в магазин явился нарядный иностранец с огромными, подозрительно рыжими усами. Долго разглядывал выставленные на полках товары. Затем протянул руку, откинул мятую газету и воскликнул:

– Не может быть! Не верю! Это сон! Разбудите меня! Какая удача – подлинный Страдивари! Я покупаю эту вещь!

– Она не продается, – сказал Танакис.

– Но я готов заплатить за нее любые деньги!

– Мне очень жаль...

– Пятнадцать тысяч наличными!

– Весьма сожалею, месье...

– Двадцать! – выкрикнул иностранец.

Танакис слегка порозовел:

– Я поговорю с владельцем.

– Вы получите щедрые комиссионные. Это же настоящий Страдивари! О, не будите, не будите меня!..

Вскоре пришел бледный юноша.

– Я пришел за скрипкой.

– Продайте ее мне, – сказал Танакис.

– Не могу, – печально ответил юноша, – увы, не могу. Это – подарок моего дедушки. Единственная ценная вещь, которой я обладаю.

– Я заплачу две тысячи наличными.

Юноша чуть не расплакался.

– Я действительно нахожусь в стесненных обстоятельствах. Эти деньги пришлись бы мне очень кстати. Я бы поехал на воды, как рекомендовал мне доктор Шварц. И все-таки – не могу... Это подарок...

– Три, – сказал владелец магазина.

– Увы, не могу!

– Пять! – рявкнул Танакис.

Он хорошо считал в уме. «Я дам пять тысяч этому маль-

чишке. Иностранец заплатит мне двадцать тысяч плюс комиссионные. Итого...»

– Дедушка, прости, – хныкал юноша, – прости и не сердишь. Обстоятельства вынуждают меня пойти на этот шаг!..

Танакис уже отсчитывал деньги.

Юноша поцеловал скрипку. Затем, почти рыдая, удалился.

Танакис довольно потирал руки... За углом юноша остановился. Тщательно пересчитал деньги. Затем вынул из кармана огромные рыжие усы. Бросил их в канаву и зашагал прочь...

Через несколько месяцев Леопольд бежал из дома. В трюме океанского парохода достиг Китая. В пути его укусила крыса.

Из Китая он направился в Европу. Обосновался почему-то в Бельгии.

Суровый дед Исаак не читал его открыток.

– Малхамовес, – говорил дед, – пере одом.

И как будто забыл о существовании Леопольда. Бабка тайно плакала и молилась.

– В этой Бельгии, наверное, сплошные гои, – твердила она.

Прошло несколько лет. Опустился железный занавес. Известия от Леопольда доходить перестали.

Затем приехал некий Моня. Жил у деда с бабкой неделю. Сказал, что Леопольд идет по торговой части.

Моня восхищался размахом пятилеток. Распевал: «Наш

паровоз, вперед лети!...» При этом был явно невоспитанным человеком. Из уборной орал на всю квартиру:

– Папир! Папир!

И бабка совала ему в щель газету.

Затем Моня уехал. Вскоре деда расстреляли как бельгийского шпиона.

О младшем сыне забыли на целых двадцать лет.

В шестьдесят первом году мой отец случайно зашел на центральный телеграф. Разговорился с одной из чиновниц. Узнал, что здесь имеются адреса и телефоны всех европейских столиц. Раскрыл телефонную книгу Брюсселя. И немедленно обнаружил свою довольно редкую фамилию...

– Я могу заказать разговор?

– Разумеется, – был ответ.

Через три минуты дали Брюссель. Знакомый голос четко произнес:

– Хелло!

– Леопольд! – закричал мой отец.

– Подожди, Додик, – сказал Леопольд, – я выключу телевизион...

Братья начали переписываться.

Леопольд писал, что у него есть жена Хелена, сын Романо и дочь Моник. А также пудель, которого зовут Игорь. Что у него «свое дело». Что он торгует пишущими машинками и бумагой. Что бумага дорожает, и это его вполне устраивает. Что инфляция тем не менее почти разорила его.

Свою бедность Леопольд изображал так:

«Мои дома нуждаются в ремонте. Автомобильный парк не обновлялся четыре года...»

Письма моего отца звучали куда более радужно: «...Я – литератор и режиссер. Живу в небольшой уютной квартире. (Он имел в виду свою перегороденную фанерой комнатушку.) Моя жена уехала на машине в Прибалтику. (Действительно, жена моего отца ездила на профсоюзном автобусе в Ригу за колготками.) А что такое инфляция, я даже не знаю...»

Мой отец завалил Леопольда сувенирами. Отослал ему целую флотилию деревянных ложек и мисок. Мельхиоровую копию самовара, принадлежавшего Льву Толстому. Несколько фигурок из уральских самоцветов. Юбилейное издание «Кобзаря» Шевченко размером с надгробную плиту. А также изделие под названием «Ковчежец бронзированный».

Леопольд откликнулся белоснежным носовым платком в красивой упаковке.

Затем выслал отцу трикотажную майку с надписью «Эдди Шапиро – колеса и крыши». Мой отец не сдавался. Он позвонил знакомому инструктору горкома. Раздобыл по благу уникальный сувенир. А именно – сахарную голову килограммов на восемь. В голубой сатинированной бумаге. Этакий снаряд шестидюймового калибра. И надпись с ятями: «Торговый дом купца первой гильдии Елпидифора Фомина».

Знакомого инструктора пришлось напоить коньяком. Уникальный сувенир был выслан Леопольду.

Через два месяца – извещение на посылку. Вес – десять с половиной килограммов. Пошлина – шестьдесят восемь рублей.

Мой отец необычайно возбудился. Идя на почту, фантазировал:

«Магнитофон... Дубленка... Виски...»

– Сколько, по-твоему, весит дубленка?

– Килограмма три, – отвечал я.

– Значит, он выслал три дубленки...

Служащий главпочтамта вынес тяжелый ящик.

– Возьмем такси, – сказал отец.

Наконец мы приехали домой. Отец, нервно посмеиваясь, достал стамеску. Фанерная крышка с визгом отделилась.

– Идиот! – простонал мой отец.

В ящике мы обнаружили десять килограммов желтоватого сахарного песку...

Через восемь лет нам с матерью пришлось эмигрировать. Мы оказались в Австрии. Хозяин гостиницы Рейнхард был очень любезен по отношению к нам. Каждое утро нам подавали чай с теплыми булочками и джемом. Каждое утро хозяин неизменно спрашивал:

– Желаешь рюмку водки?..

Кроме того, он дал нам радиоприемник и электрический тостер.

По вечерам мы иногда беседовали с ним.

Я узнал, что Рейнхард перебрался из Восточного сектора на Запад. Что он – инженер-строитель. Что работа в гостинице тяготит его, хоть и приносит немалый доход...

– Ты женат? – спросил я.

– Эрика живет в Зальцбурге.

– Есть мнение, что брак на грани развода самый долговечный.

– Я уже перешел эту грань. И все-таки женат... Ты удивлен?

– Нет, – сказал я.

– Ты состоял в партии?

– Нет.

– А в молодежном союзе?

– Да. Это получилось автоматически.

– Я понимаю. Тебе нравится Запад?

– После тюрьмы мне все нравится.

– Мой отец был арестован в сороковом году. Он называл Гитлера «браун швайне».

– Он был коммунист?

– Нет. Он не был комми. И даже не был красным. Просто – образованный человек. Знал латынь... Ты знаешь латынь?

– Нет.

– И я не знаю. И мои дети не будут знать. А жаль... Я думаю, латынь и Род Стюарт несовместимы.

– Кто такой Род Стюарт?

- Шизофреник с гитарой. Желает рюмку водки?
- Давай.
- Я принесу сэндвичи.
- Это лишнее.
- Ты прав...

Из Вены я написал Леопольду. Мой дядя позвонил в гостиницу. Сказал, что прилетит в конце недели. Точнее – в субботу. Остановится в «Колизеуме». Просит меня в субботу не завтракать.

- Я угощу тебя в хорошем ресторане, – сказал он...

Рано утром я сидел в холле «Колизеума». Выглядела эта гостиница куда шикарнее нашей. По залу разгуливали изысканные собаки. Гардеробщик был похож на киноактера.

Ровно в одиннадцать спустился дядя. Я сразу узнал его. Леопольд был так похож на моего отца – высокий, элегантный, с красивыми искусственными зубами. Рядом шла молодая женщина.

Я знал, что должен обнять этого, в сущности, незнакомого человека.

Мы обнялись. Я поцеловал Хелене руку, в которой она держала зонтик.

– До чего ты огромный! – закричал Леопольд. – А где мама?

- Она нездорова.

– Как жаль! Я видел ее фотографии. Ты очень похож на мать.

Я протянул ему сверток. Там была икра, деревянные матрешки и холщовая скатерть.

– Спасибо! Мы оставим вещи у портье. Я тоже имею подарки для вас... А сейчас мы пойдем в ресторан. Ты любишь рестораны?

– Как-то не задумывался.

– Там приятная музыка, красивые женщины...

Мы шли по направлению к центру. Леопольд говорил, не умолкая.

Хелена молча улыбалась.

– Посмотри, сколько машин! Ты когда-нибудь видел заграничные машины?

– В Ленинграде много туристов...

– Вена – маленький город. Да и Брюссель тоже. В Америке машин гораздо больше. А какие там магазины! В Ленинграде есть большие магазины?

– Магазины-то есть, – говорю.

– Какой же ты огромный! Тебя, наверное, любят женщины?

– Это скоро выяснится.

– Я понимаю. Твоя жена в Америке. Мы посетили ее в Риме. У нее был пластик вместо сумочки. Я подарил ей хорошую сумку за шестьдесят долларов... Стоп! Здесь мы позавтракаем. По-моему, это хороший ресторан.

Мы вошли, разделись, сели у окна.

Заиграла негромкая музыка общего типа. Красивых жен-

щин я что-то не заметил.

– Заказывай все, что хочешь, – предложил Леопольд, – может быть, стейк или дичь?

– Мне все равно. На ваше усмотрение.

– Говори мне, пожалуйста, – «ты». Я же твой дядя.

– На твое усмотрение.

– Что-нибудь из деликатесов? Ты любишь деликатесы?

– Не знаю.

– Я очень люблю деликатесы. Но у меня больная печень.

Я закажу тебе рыбный паштет и немного спаржи.

– Отлично.

– Что ты будешь пить?

– Может быть, водку?

– Слишком рано. Я думаю, – белое вино или чай.

– Чай, – сказал я.

– И фисташковое мороженое.

– Отлично.

– Что ты будешь пить? – обратился Леопольд к жене.

– Водку, – сказала Хелена.

– Что? – переспросил Леопольд.

– Водку, водку, водку! – повторила она.

Подошел официант, черноволосый, коренастый, наверное – югослав или венгр.

– Это мой племянник из России, – произнес Леопольд.

– Момент, – произнес официант.

Он исчез. Внезапно музыка стихла. Раздалось легкое ши-

пение. Затем я услышал надоевшие аккорды «Подмосковных вечеров».

Появился официант. Его физиономия сияла и лоснилась.

– Благодарю вас, – сказал я.

– Он получит хорошие чаевые, – шепнул мне Леопольд.

Официант принял заказ.

– Да, я чуть не забыл, – воскликнул Леопольд, – скажи, как умерли мои родители?

– Деда арестовали перед войной. Бабка Рая умерла в сорок шестом году. Я ее немного помню.

– Арестовали? За что? Он был против коммунистов?

– Не думаю.

– За что же его арестовали?

– Просто так.

– Боже, какая дикая страна, – глухо выговорил Леопольд, – объясни мне что-нибудь.

– Боюсь, что не сумею. Об этом написаны десятки книг.

Леопольд вытер платком глаза.

– Я не могу читать книги. Я слишком много работаю...

Он умер в тюрьме?

Мне не хотелось говорить, что деда расстреляли. И Моню я не стал упоминать. Зачем?..

– Какая дикая страна! Я был в Америке, Израиле, объездил всю Европу... А в Россию не поеду. Там шахматы, балет и «черный ворон»... Ты любишь шахматы?

– Не очень.

– А балет?

– Я в нем мало разбираюсь.

– Это какая-то чепуха с привидениями, – сказал мой дядя.

Потом спросил:

– Твой отец хочет ехать сюда?

– Я надеюсь.

– Что он будет здесь делать?

– Стареть. В Америке ему дадут небольшую пенсию.

– На эти деньги трудно жить в свое удовольствие.

– Не пропадем, – сказал я.

– Твой отец романтик. В детстве он много читал. А я – наоборот – рос совершенно здоровым... Хорошо, что ты похож на мать. Я видел ее фотографии. Вы очень похожи...

– Нас даже часто путают, – сказал я.

Официант принес мороженое. Дядя понизил голос:

– Если тебе нужны деньги, скажи.

– Нам хватает.

– И все-таки, если понадобятся деньги, сообщи мне.

– Хорошо.

– А теперь давайте осмотрим город. Я возьму такси...

Что мне нравилось в дяде – передвигался он стремительно. Где бы мы ни оказывались, то и дело повторял:

– Скоро будем обедать.

Обедали мы в центре города, на террасе. Играл венгерский квартет. Дядя элегантно и мило потанцевал с женой. Потом мы заметили, что Хелена устала.

– Едем в отель, – сказал Леопольд, – я имею подарки для тебя.

В гостинице, улучив момент, Хелена шепнула:

– Не сердись. Он добрый, хоть и примитивный человек.

Я ужасно растерялся. Я и не знал, что она говорит по-русски. Мне захотелось поговорить с ней. Но было поздно...

Домой я вернулся около семи. В руках у меня был пакет. В нем тихо булькал одеколон для мамы. Галстук и запонки я положил в карман.

В холле было пусто. Рейнхард возился с калькулятором.

– Я хочу заменить линолеум, – сказал он.

– Неплохая мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.